

Фей Сидней

Происхождение мировой войны

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
С34

С34 **Сидней Ф.**
Происхождение мировой войны: Том 1 / Фей Сидней – М.: Книга по Требованию, 2023. – 390 с.

ISBN 978-5-519-78883-0

ISBN 978-5-519-78883-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мемуарная и документальная литература по дипломатической пред- истории мировой войны достигла внушительных размеров. Однако на русском языке мы не имеем еще ни одной обобщающей работы по этому вопросу, не говоря уже об исчерпывающем марксистско-ленинском анализе его.

Работу Фей нужно рассматривать не как научную разработку дипломатической предистории войны, а как сводку накопившейся обширной литературы на эту тему.

Литература эта, как известно, двоякого рода: во-первых, мемуары политических деятелей с ярко выраженной ориентацией на ту или иную из империалистических коалиций; во-вторых, издававшиеся правительствами капиталистических стран в период войны и после ее окончания документации, представляющие своеобразную форму «войны документов».

В противовес этому империалистическому наследию мы имеем советскую документацию, предпринятую той страной, которая первая нашла революционный выход из империалистической войны и организацией диктатуры пролетариата противопоставила себя всему империалистическому миру. Когда Фей писал свою работу, большая советская публикация дипломатических документов еще не была известна ему. Он использовал отчасти лишь более ранние советские публикации.

Фею можно бросить также упрек в том, что он упустил ряд мемуаров, напр., Швейница (Schweinitz, Denkwürdigkeiten), Луциуса фон Бальхаузена (Lucius v. Ballhausen, Bismarcks Erinnerungen), Ламздорфа (Дневник 1886—1890 гг.) и др.

Тем не менее работа Фей представляет для нас интерес, поскольку автор использовал для нее большое количество материалов.

Привлекая громадный арсенал дипломатических источников, и охватывая широкий исторический период (1871—1914 гг.), Фей вооружает читателя большим конкретным историческим материалом.

Особенный интерес в этом смысле представляет вторая половина книги, более насыщенная фактическим материалом и имеющая поэтому неоспоримые преимущества перед первой. Здесь, в четвертой главе, автор разворачивает перед нами картину дипломатической консолидации Антанты и обострения ее отношений с Тройственным союзом, повлекшего за собой *perpetuum mobile* вооружений. Вместе с тем эта глава, так же как и следующая, дает характеристику противоречий внутри обеих враждебных империалистических коалиций, вызвавших отпадение Италии от Тройственного союза и отход от него Румынии. Автор характеризует политику итальянской дипломатии, которая, ведя пере-

говоры с Австрией об отказе от заключения сепаратного соглашения по балканским делам с какой-либо третьей державой, сама тайно от Австрии подписывает в Ракониджи такое соглашение с Россией, а через несколько дней тайно от России подписывает аналогичное соглашение с Австрией. Анализируя дипломатические переговоры, связанные с ликвидацией балканских войн, автор вскрывает противоречия, существующие между Австрией, ориентировавшейся на Болгарию, и Германией, продолжавшей свою борьбу за Румынию. Он показывает, как аналогичные противоречия между грекофильской позицией Франции и болгарофильской позицией России привели в период кавальского инцидента к кратковременной комбинации—Франции и Германии против России и Австрии.

Таков в общих чертах материал, который Фей преподносит читателю. Как он его дает?

Фей—американский пацифист. Отсюда и все «качества» его концепции и методологии. Известно, что положение американской буржуазии в военный и предвоенный период было положением «четвертого радующегося», который может «положить в карман всех троих»¹. «Американские миллиардеры—говорит Ленин—были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые страны»². На этой почве вырос особый тип пацифистской фразеологии, классическим выразителем которой был Вильсон.

Буржуазно-пацифистские теории, подобные тем, какие проводит в своей книге Фей, разумеется, не новы. Так еще 20 лет назад английский либеральный пацифист Морель, ставший позже членом английской рабочей партии, выступил в печати с разоблачением англо-французской подлжки в мароккском вопросе. Рассматривая мароккский вопрос, как предмет дипломатической борьбы, которая велась между англо-французской и германской дипломатией, он свел в конечном счете все дело к тому, какая из двух борющихся сторон вела эту борьбу более «честными», «открытыми» методами, кто из империалистических разбойников был более прав в своих притязаниях на общий объект грабежа. Тяжесть обвинений Мореля падала на англо-французскую коалицию, как действующую путем «интриг» и методов «тайной дипломатии»³. Основной вывод работы Мореля сводился к тому, что источником зла, «отравляющим международную атмосферу», являются методы «тайной дипломатии».

Идя следом за Морелем, Фей основную причину войны видит в существующей в Европе «системе тайных союзов». «Война,—говорит он,—была вызвана системой международной анархии, выражавшейся в союзах, вооружениях и тайной дипломатии». Однако Фей, не в пример своему предшественнику на исторической арене англичанину Гучу⁴, окровавленному антантофилу и англофилу, пытается обнаружить максимум «беспристрастия» и «объективизма». Это выражается у него

¹ М. Покровский, Как русский империализм готовился к войне, журн. «Большевик» № 9, 1924.

² Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 179.

³ Э. Морель, Десять лет секретной дипломатии, Москва, Гиз, 1924.

⁴ Г. П. Гуч, История современной Европы, изд. Гиз, 1925.

в отрицательном отношении к «недемократическим» странам — прежде всего к Австрии и еще больше к России. Учет настроений, которые, в связи с огромными финансовыми вложениями в хозяйство послевоенной Германии, господствовали в послеверсальский период в известных слоях американской буржуазии, поможет нам объяснить происхождение политической ориентации автора, которого в ряде вопросов можно квалифицировать как германофила. Большое влияние на автора оказали материалы «Grosse Politik». Надо отметить также, что у автора, в основном германофила, звучат иногда, несмотря на обострение англо-американских отношений, и англофильские нотки.

Морализируя об ответственности за войну тех или иных руководящих политических деятелей, Фей недалеко ушел от авторов империалистических трафаретов о виновниках войны. Будучи убежден, что война была вызвана «системой тайных союзов, которые создавались и проводились отдельными людьми, Фей сосредоточивает все свое внимание на вопросе об ответственности тех или иных государственных деятелей в подготовке катастрофы. Благодаря этому социологический анализ причин войны, подменяется у Фей психологическим анализом. Это предопределяет весь план работы Фей и влияет на произведенный им подбор фактов. Стоя на своей морализирующей, психологической точке зрения, Фей недооценивает ведущей роли англо-германского альянса в деле подготовки войны. Эта же концепция мешает ему понять истинную сущность империалистической политики Америки, по поводу которой М. Н. Покровский в свое время заметил, что приходится спрашивать не о том, почему она «вмешалась» в войну в 1917 г., а о том, «почему она не вмешалась тремя годами раньше».

Игнорирование автором исторической роли САСШ в развитии империалистических противоречий предвоенного периода, несомненно, является одним из самых серьезных недостатков его книги. САСШ еще к концу прошлого века заняли одно из первых мест на мировом рынке, связали свое имя не только с судьбами островов Карибского моря и островов Великого океана, но и с «подвигами» европейских соединенных отрядов в Китае в эпоху боксерского восстания, принимали деятельное участие в подготовке русско-японской войны и не менее деятельное участие в ее ликвидации, в 1909—1911 гг. проявили инициативу и играли руководящую роль в деле финансового и политического закабаления Китая и вызвали острое недовольство английских империалистов своей концессионной политикой на ближнем Востоке.

Даже борясь за проведение своей панамериканской монополистической программы в пределах только американского материка, САСШ тем самым уже не могли не входить в столкновение с империалистическими интересами Англии и Германии: история стран Южной Америки, история борьбы вокруг мексиканской нефти служат тому доказательством. Накануне надвигающейся мировой войны САСШ готовятся стать главным интендантом империалистических хищников. Во всяком случае несомненно, что игнорировать в истории происхождения войны эту сторону дела, значит позабыть о материальной и финансовой базе военных операций Альянты, значит не понять последующих событий.

Идя от факта к факту, от документа к документу, опираясь исклю-

чительно на дипломатические источники, которые дают преимущественно лишь внешнюю сторону деятельности международной дипломатии, Фей, как типичный представитель ползучего эмпиризма, не идет далее поверхностности описываемых им событий дипломатической жизни.

Так, трактуя проблему англо-французского сближения, Фей рассказывает, как Делькассе удалось в 1900 г. привлечь членов британской торговой палаты в Париж, как успех устроенного для них банкета создал почву для сближения, после чего начались дипломатические переговоры, связанные с договором об арбитраже, который «должен был устранить возможные причины трений и сделать будущее обеих стран независимым от опасных проявлений народных настроений».

Далее, у него на сцену выступает Эдуард VII со всеми свойствами своего «обаятельного, общительного характера» и со своими «симпатиями к французской культуре».

Плотина оказывается прорванной—французы забывают о Фашоде.

Таким образом, большую проблему образования одной из империалистических коалиций Фей пытается объяснить, исходя из чисто психологических моментов.

В этом же духе автор трактует происхождение англо-русского соглашения 1900 г. После свидания с Эдуардом VII во время русско-японской войны Извольский становится защитником идеи англо-русского «согласия», которая была встречена сочувственно «и некоторыми русскими либералами». «Полный честолюбивых расчетов» и польщенный выпавшей ему ролью, Извольский с бешеной энергией, подобной той, которую проявил в этом деле и Делькассе, принимается за проведение разрабатываемой им программы, и, поддерживаемый английской дипломатией, добивается подписания соглашения 31/VIII 1907 г. Между прочим Фей дает совершенно неожиданный характеристику этого дипломатического акта, как определенно невыгодного для Англии. Он считает, что в результате этого соглашения Англия «утратила независимость своих действий в Персии», превратилась в сообщника в деле разрушения «финансовой и политической независимости империи шаха», и вскоре оказалась «втянутой в орбиту русской агрессии и интриг».

Находясь в плену у дипломатических документов, не умея научно разобраться в них, Фей в данном случае, как и во многих других, извращает историческую действительность и в полном соответствии со своими политическими симпатиями дает выход своему «руссофобству». На этих же страницах Фей впервые вводит в свой лексикон термин «империализм», применяя его к политике русской дипломатии.

Целиком доверяя германским источникам, Фей принимает за чистую монету все «великодушные» обязательства, данные царю по вопросу о проливах в 70-х годах прошлого века Бисмарком, создавшим одновременно направленную против России средиземно-морскую Антанту. Точно так же автор целиком принимает германскую официальную версию по вопросу о франко-германских отношениях 70-х годов.

Главные действующие лица Фей—дипломаты. Они живут у него в сфере глубоких «эмоций», они действуют часто, как это обычно изображается в мемуарах эксдипломатов, под влиянием ярко выраженных аффектов. Здесь мы встречаем порывы «великодушия» и острое «чувство озлобления», и приступы «раздражения» и «длительное состоя-

ние недоверия», и, просто акты врожденной «нечестности». Всякий раз, когда автор пытается объяснить какой-нибудь факт, когда он хочет быть историком, а не только референтом дипломатической переписки, он искажает исторический процесс, объясняя события в конечном счете эмоциональными и волевыми импульсами дипломатических чиновников различных рангов. Так например, Сольсбери «приходит к выводу», что поддерживать неприкосновенность дряхлой турецкой империи нет смысла, и это решение определяет английскую политику в восточном вопросе. Прямо противоположная в этом вопросе политика Германии определяется позицией живущего в мире интриг Гольштейна. Когда в 1898 г. Чемберлен предлагает Германии заключить союз, расчетливый Бюлов приходит к решению об отклонении предложения, и это в сочетании с «подозрительностью кайзера в отношении британской честности» решает судьбу английского предложения.

«Пуанкаре являлся не только воплощением идем национального пробуждения, но «своей решительностью, твердостью и одаренностью он сделал больше, чем кто-либо другой, для укрепления и стимулирования этого национального духа».

Подоплеку франкофильской политики ген. Обручева Фей видит в том, что жена Обручева была француженкой. Характерно для Фей также объяснение «неустойчивости», проявляемой в течение последних 4 лет перед войной русским дипломатическим ведомством: вступивший в 1910 г. в управление министерством Сазонов питал к Германии «личные симпатии», его бабкою была немка и среди немцев он имел много друзей; в то же время, «робкий по натуре и не слишком уверенный в твердости своего положения, он жил в вечном страхе перед общественным мнением».

Безусловно самой неудачной во всей книге Фей является та глава, которая посвящена наиболее отдаленному периоду 1871—1890 гг. В этой главе Фейу пришлось между прочим дать картину зарождения франко-русского союза. В ряде смежных глав автор привлекает материал о заключавшихся в тот период русских займах во Франции и о русско-германской таможенной войне, даже не пытаясь подойти глубже к объяснению причин начавшегося сближения.

Переходя к конкретному описанию событий, предшествовавших заключению франко-русского союза, Фей возвращается к методам «психологического анализа» и говорит о «раздражении», которое охватило Александра III под влиянием избрания Фердинанда на болгарский престол; о тяжелых «подозрениях», овладевших царем в связи с германской политикой на Ближнем Востоке; далее, он описывает, как после неоднократных свиданий приехавшего в Петербург ген. Буадефра с женатым на француженке Обручевым под торжественные звуки маршальезы был заключен союз, который, по мнению автора, «создал здоровый противовес Тройственному союзу».

Обзор событий, связанных с ближневосточным кризисом 1878—1879 гг., Фей сопровождает таким заключением: «Взаимное личное раздражение между обоими министрами иностранных дел (русским и германским.—А. II.), и ожесточенные нападки прессы одной стороны на прессу другой положили на время конец тому состоянию гармонии и сотрудничества, которые были целью соглашения трех импе-

раторов». Говоря о росте милитаризма в Европе в 80-х годах, Фей объясняет это явление «секретностью» бисмарковской системы союзов...

Когда, после посещения кайзером Танжера, Англия увидела, что ее новая союзница Франция находится под угрозой, «здоровый спортивный дух англичан» не мог, по замечанию Фей, вынести такого зрелища. «Англичан раздражал также,—добавляет при этом Фей,—быстрый рост германского флота, глухое политическое и экономическое соперничество, существовавшее уже несколько лет в Африке, Турции и повсюду на земном шаре...»

Далее автор переходит к подробному изложению всех перипетий переговоров о морском соглашении.

Но уже приведенные цитаты вскрывают перед нами «методологию» Фей. Англо-германский антагонизм, одно из острейших предвосхищенных империалистических противоречий, безнадежно расплылся у него в элементах «спортивной» психологии англичан...

Характерным для Фей, как для типичного эклектика, является неумение отделить существенное и главное в данной проблеме от второстепенного и случайного, имеющего чисто внешнее к ней отношение.

Не приходится доказывать, что предистория мировой войны, потрясшей основы буржуазного мира и положившей начало общему кризису капитализма, не могла найти правильного отражения в работе буржуазного историка Фей. Как истый представитель современной буржуазной науки, Фей неспособен к подлинно научному, т. е. диалектическому, подходу к историческим фактам, он страшился сколько-нибудь широких обобщений и выводов из данных своего анализа.

Политически отнюдь не случайна гипертрофия у него «психологического». Не случайны постоянные ссылки Фей на «роковые» ошибки европейской дипломатии, будь то «ошибка» представителей нового курса германской политики, в 1890 г., не шедших на соглашение с Англией, будь то «ошибка» руководителей английской политики, вступивших в 1905 г. в переговоры по военно-морским делам с Францией, или «ошибка» германского руководства, отвергнувшего во время второй Гаагской «мирной» конференции английские предложения об ограничении вооружений. Не случайна та снисходительность, какую проявляет Фей по отношению к руководителям английской и даже французской дипломатии, и та суровость, с какою автор относится к русской и австрийской дипломатии: «Сазонов и Извольский—говорит он—меньше других заботились о сохранении европейского концерта», и граф Берхтольд меньше всех других». Не случайно также и то, что Фей придает такое значение Потсдамскому соглашению 1911 г., и та септенция, какая вырывается у него по поводу мирного разрешения русско-германского конфликта, создавшегося в конце 1913 г. в связи с прибытием миссии Лимана фон Сандерса в Константинополь: «История с фон Сандерсом,—пишет Фей,—дает нам яркий пример того, каким образом, при добром желании обеих сторон, может быть найден выход даже из критического положения, его удовлетворительное разрешение есть доказательство того, что война не «неизбежна»». «Возможно,—говорит Фей по поводу Лондонской конференции послов, заседавшей в 1912 г. в период балканского кризиса и принимавшей тогда меры к локализации возникшего пожара,—что, если бы подоб-

ная конференция была устроена в июле 1914 г., она могла бы предотвратить катастрофу».

Историк не может не быть политиком, и политическая концепция Фей выступает при ближайшем рассмотрении его работы совершенно отчетливо.

Война, по мнению Фей, явилась результатом «системы тайных союзов», той системы, которая проводилась находившимися у власти политическими деятелями. Война, по его мнению, обнаружила всю неудовлетворительность политических комбинаций, создавшихся в результате ряда ошибок ответственных политических деятелей. Вывод напрашивается сам собой: при соответствующем изменении этой системы, если бы руководящим политическим деятелям Европы удалось прийти к иным политическим комбинациям, которые остановили бы рост милитаризма, если бы, ясно сознавая всю важность сохранения европейского концерта, они действовали бы с большой решительностью и твердостью, парализуя нежелательную агитацию прессы и крайних воинственных партий, если бы среди них не было явно дефективных субъектов, в роде Делькассе, Извольского и Вильгельма, если бы в делах международной политики удалось парализовать влияние таких недемократических стран, как Россия и Австрия,—при этих условиях капиталистическому миру удалось бы избежать войны 1914—1917 гг. Так рассуждает Фей.

Концепция, как видим, полностью выдержана в духе буржуазного пацифизма. С устранием с международной арены таких недемократических и империалистических держав, как царская Россия и Австрия, с отстранением от ответственной политической работы дефективных субъектов типа Извольского, с учетом всех тех «роковых» ошибок, какие были допущены старой дипломатией, склонной к тайному методу разрешения вопросов,—международные перспективы должным образом организованного капитализма оказываются отнюдь не безнадежными.

Эта «пацифистская» концепция Фей весьма последовательно приводит к тем же выводам, к которым еще до войны и в первый период ее возникновения приходил испуганный мещанин от социал-демократии, нынешний теоретик социал-фашизма К. Каутский. Игнорируя коренные противоречия капитализма на его империалистической стадии, утверждая, что империализм не является «экономической необходимостью», что агрессивная политика, милитаризм и империалистические войны не свойственны неизбежно новейшей стадии капитализма, Каутский, как известно, пришел в дальнейшем к проповеди теории ультраимпериализма, утверждавшей возможность установления вечного мира при капитализме, осуществляемого и охраняемого Лигой наций¹.

Отрицание Каутским неизбежности войн в эпоху империализма определило оценку им войны 1914—1918 гг., как случайного эпизода, как печального недоразумения в политике империалистических государств².

¹ К. Каутский, Материалистическое понимание истории, стр. 609—610, а также его новая книга «Война и демократия».

² Е. го же. Национальное государство стр. 73, 74.

Теоретик социал-фашизма, осуществляя миссию социал-демократии, как главной опоры буржуазии, скатывается к тем же выводам, к которым приходит откровенно буржуазный теоретик Фей.

Не приходится доказывать, что эти буржуазно-пацифистские теории, созданные со специальной целью—одурачить массы и пригипить их революционное сознание, находятся в полном противоречии с нашим пониманием исторического процесса, приведшего к мировой войне. Не менее ясно, в каком коренном противоречии находится «метод» Фей с теми требованиями, которые предъявлял Ленин к исследованию вопроса о происхождении войны.

«Доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны,—писал Ленин¹,—содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе объективного положения командующих классов во всех воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо брать не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни, можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно совокупность данных об основах хозяйственной жизни всех воюющих держав и всего мира».

«Война,—говорит Ленин²,—есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение той же политики с записью тех изменений между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь ускоряет это развитие».

Конечно, этого не в состоянии даже понять буржуазный пацифист Фей, остающийся лишь на поверхности истории дипломатических отношений.

В чем же суть того направления политики, которое свойственно эпохе монополистического капитала? «Империализм,—пишет Ленин,—есть последняя ступень в развитии капитализма, когда он дошел до того, что поделил весь мир между собой, и в мертвой схватке схватились две гигантские группы»³. «Капитализм,—писал Ленин в 1920 г.,—перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удупления горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой доли происходит между двумя—тремя всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю»⁴.

В той документации, которую привлекает Фей, можно найти и материал, связанный с разделом мира и грабежом его капиталистическими хищниками. Только материал этот в интерпретации Фей выступает не как основной, определяющий в конечном счете всю политическую линию европейских держав и действующих от их лица дипломатов, а как случайный, второстепенный момент в их переписке.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 73—74.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 492.

⁴ Там же, стр. 74.

Не приходится поэтому удивляться тому объяснению, какое Фей даст агрессии французского капитала в Марокко, повторяя официальную версию о необходимости защиты алжирской границы от набегов разбойничьих марокканских племен.

Неудивительно также при таком подходе, если целый ряд дипломатических и военных конфликтов из-за колоний в конце 1890-х и начале 1900-х гг.—японо-китайская война 1894 г., итало-абессинская 1896 г., греско-турецкая 1897 г., испано-американская, англо-тибетская 1904 г.,—совершенно или почти совершенно выпадают из поля зрения автора; что об англо-бурской войне автор упоминает лишь мимоходом в связи с телеграммой Вильгельма к Крюгеру; что германская агрессия в Африке (война против герреро), а также поход всех европейских держав при участии САСШ против Китая в 1900 г., предпринятый под флагом умирения восстания боксеров, оказываются совсем позабытыми, так же как и англо-русские переговоры конца 90-х гг. о разделе Китая на сферы влияния, так же как японо-американские «трения» в связи с проектом интернационализации КВЖД, так же как англо-русская борьба за влияние в Персии, или, наконец, как та борьба, которая разгорелась в предвоенный период в связи с проектами постройки балканских железных дорог.

А ведь все эти факты характеризуют развитие международных отношений в такую эпоху, когда их основным двигателем становится борьба за «передел уже поделенного мира».

В конце XIX в. старые капиталистически развитые державы, Англия и Франция, поделили между собой мир, и новые империалистические державы—Германия, САСШ, Италия, Япония оказались в этом смысле к началу империалистической эпохи «обделенными».

Именно этим определялось возникновение борьбы за передел мира, в частности, борьбы за полуколонии—Турцию, Китай и Персию. Закон неравномерного развития, этот безусловный закон развития капитализма, с особенной силой и остротой действующий в эпоху империализма, неизбежно вызывает конфликты и войны между капиталистическими державами за новый «передел уже поделенного мира».

Этой основы всяких дипломатических столкновений не может понять Фей, который обострение империалистических противоречий объясняет неудачно построенной системой тайных союзов. Неизбежно приходя к выводу о возможности борьбы за мир в рамках капитализма, Фей не способен понять этого основного положения, что войны коренятся в самой сущности капитализма; что они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй.

«Если милитаризм—дети капитализма,—писал Ленин,—то и войны не могут быть уничтожены интригами правителей и дипломатов, и задача социалистов не будить иллюзий на этот счет, а, наоборот, постоянно разоблачать лицемерие и бессилie дипломатических «мирных шагов»¹.

Вместе с дипломатами, деятельность которых исследует Фей, он разделяет их лицемерие и бессилie. Фей бессилen понять свойственное эпохе империализма обострение противоречий капитализма, неизбежно

¹ Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 318.

ведущее к войнам и создающее условия для революции. Поэтому он не смог понять крупнейших сдвигов в международных отношениях эпохи империализма, он не смог понять роли царской России как «узлового пункта всех... противоречий империализма», как «величайшего резерва западного империализма», «как вернейшего союзника западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д., интересы которого сплетались с интересами западного империализма в единый клубок». Он сознательно умалчивает о том, как финансово-капиталистическая «демократия» САСШ, так же, как парижская, лондонская и др., совсем не гнушаясь, пользовались царизмом для выколачивания с населения сотен миллионов процентов по займам. На эту особенность американской «демократии» Фей сознательно закрывает глаза, ибо он сам—идеолог этой империалистической буржуазии, маскирующейся «демократией» и пацифизмом.

Не понимая качественных отличий империалистических войн от войн эпохи промышленного капитализма, Фей не способен также понять нового направления международных отношений, вытекающих из новых особенностей внутренней политики империалистических стран. Он не в состоянии понять, что русская революция 1905 г., шедшая в авангарде мирового революционного движения, потрясшего всю империалистическую систему, дала мировым событиям новое направление.

«В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 г. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах—вот цепь мировых событий нашей эпохи, нашего «Востока»,—писал Ленин в 1912 г.¹

Вопрос о международном значении русско-японской войны, когда «прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе»², вопрос о международном значении революции 1905 г., повлекшей за собой консолидацию контрреволюционных сил буржуазной Европы и пробуждение угнетенных народов Востока, вопрос о международном значении революций турецкой и персидской, вызвавших «контрреволюционную коалицию европейских держав против растущего демократизма в Азии»³, вопрос о международном значении китайской революции 1911 г., давшей повод капиталистическим державам для заключения займа «против китайской демократии»⁴, вопрос о «социальном значении сербо-болгарских побед», означавших «подрыв господства феодализма в Македонии»⁵, разрушение «остатков средневековья во всей восточной Европе», «громадный шаг вперед» к решению национального вопроса⁶,—все эти вопросы, связанные с «пробуждением Азии», связанные вместе с тем с «началом борьбы за власть передовым пролетариатом Европы» и «знаменующие открывшуюся в начале XX в. новую полосу всемирной истории»⁷, остаются вне поля зрения буржуазного историка международных отношений.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 436.

² Там же, т. VII, стр. 45.

³ Там же, т. XII, стр. 358.

⁴ Там же, т. XVI, стр. 395.

⁵ Там же, стр. 186.

⁶ Там же, стр. 175.

⁷ Там же, стр. 384.